

ПРОБЛЕМЫ НАУЧНОГО СТАТУСА И ОБЪЕКТИВНОСТИ ЭТНОЦЕНТРИЗМА

Ковригин В.В., к.п.н., доцент кафедры социологии Липецкого
государственного педагогического университета

*Работа поддержана грантом Президента РФ
для молодых учёных-кандидатов наук, МК-467.2012.6*

Этноцентризм – понятие весьма немолодое в науке. Вместе с тем, его научный статус часто подвергается сомнению, само понятие сводится к субъективизму отдельных представителей этнической группы. Другие учёные, наоборот, абсолютизируют этноцентризм, подразумевая под ним любые проявления этнического сознания.

Носитель этноцентризма – это, прежде всего, этнос, либо наиболее активная его часть, чётко идентифицирующая себя с собственной этнической группой. Вне этноса, этнической группы этноцентризма быть не может – об этом говорит сам корень рассматриваемого понятия. Именно поэтому исследование необходимо начать с анализа сущности этноса.

Считается, что «авторство» этого термина принадлежит русскому учёному-эмигранту С.М. Широкогороду [1]. Исследователь, имея опыт чтения лекций по этой научной дисциплине в Государственном дальневосточном университете, отметил слабость исследований по предмету, а также отсутствие всеми признанного объекта исследований самой этнографии. Сам С.М. Широкогородов представил такое определение этноса: «Этнос есть группа людей, говорящих на одном языке, признающих своё единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освящённых традицией и отличаемых ею от таковых и других» [1, с. 13]. Однако, поскольку работа была опубликована в Шанхае в условиях эмиграции, в российскую практику анализируемый термин вошёл далеко не сразу. Во многом это также объяснялось официальной абсолютизацией интернациональных политических и социокультурных структур в эпоху

советской власти. До 70-х гг. прошедшего столетия интерес к этносу был небольшим, само понятие редко упоминалось в научной литературе [2, с. 703].

С середины 70-х гг. интерес к исследованию этноса в значительной степени начинает «подогреваться» окончательным распадом колониальной системы и обострением межэтнических конфликтов не только в новых политических образованиях, но и в развитых странах. Немалую роль в актуализации интереса к этносу сыграла также защита докторской диссертации Л.Н. Гумилёвым на тему «Этногенез и биосфера земли», в которой автор разработал оригинальную его концепцию. Этнос, по мнению учёного – есть группа людей, система их взаимодействия между собой, определяемая множеством факторов – географической среды, продуктов деятельности, традиций, культуры. Отличие одного этноса от другого – в способе или стереотипе поведения. Тем самым, исследователь смещает взгляд в понимании этноса на поведенческие элементы, субъективные по сути. Этнос включает ряд субэтносов, при этом сам являясь частью суперэтноса. По Л.Н. Гумилёву, «этническая история может насчитать свыше двадцати суперэтносов, исчезнувших в историческое время заменившихся ныне существующими» [3, с. 116]. Исследователь разработал также интересную теорию рождения и развития этносов, связав эти явления с пассионарностью.

К настоящему времени в этнографической науке сложилось три основных подхода к исследованию этносов: примордиалистский, конструктивистский и инструменталистский. Исторически первым подходом стал примордиалистский. «Классический» примордиализм рассматривает этнос как изначальное объединение людей по крови, отличающееся от других неизменными признаками. Зачатки этого подхода можно отметить еще в трудах С.М. Широкогорова, рассматривавшего этнос прежде всего как социальную группу, объединённую общим языком, происхождением и т.п. – т.е. объективными по сути факторами. Истоки примордиализма также можно обнаружить в работах Ф. Тённиса. По мнению Ф. Тённиса, этничность – родственная общность, характеристика человеческих сообществ,

подчеркивающая взаимность, по отношению к которой вырабатывается идентичность и первичное символическое означивание членов данной общности, построенное на глубокой аффективной привязанности.

Не выходя за рамки примордиализма, советский этнолог Ю.В. Бромлей разрабатывает дуалистическую теорию этноса [4, с. 146-147]. Следуя примордиалистскому подходу, эта теория выделяет этникос – стабильное ядро этноса, сохраняющее свое первостепенное значение на всём протяжении истории, не зависящее прямо от воли входящих в него лиц, а также этносоциальный организм – этнос в широком смысле слова, включающий «наслоения», вызванные разнообразием влияний на этникос в процессе его жизни, что уже находится вне рамок классического примордиализма.

В целом, вся советская этнография работала в рамках примордиалистского подхода. Результат этого – абсолютизация объективных факторов при анализе различий этнических групп, чувствуемая в работах некоторых и современных авторов.

Второй подход в толковании этноса – инструменталистский – более характерен для политологических исследований. Он предполагает акцент в исследовании этноса на искусственные ценности, идеологию, разрабатываемую элитой или всем народом для мобилизации масс и достижения собственных интересов. Философский базис этой концепции разработан Дж. Дьюи. В трудах этого американского исследователя любые понятия – есть инструменты, средства, используемые для ориентации человека в отношениях с природой, обществом, государством и т.д. Соответственно, в этнологии понятие «этнос» – тоже инструмент, имеющий чисто субъективное происхождение, зависящее от воли конкретных людей либо группы. Последователями инструментализма с этнографической науке считаются Д. Белл, Г. Вулп, Н. Глейзер, Д. Мойнихен. Инструментализм в принципе не признаёт наличие каких-либо настоящих этнических маркеров, акцентируя внимание на утилитаристском значении этноса.

Промежуточный и наиболее сегодня в науке распространённый подход – конструктивистский. «Рупором» этого подхода стал В.А. Тишков – директор Института этнологии и антропологии Российской Академии Наук ещё с конца 80-х гг. прошедшего столетия. Исследователь определяет этнос как «группу людей, члены которой разделяют общее название и элементы культуры, имеют общее происхождение и историческую память, обладают чувством солидарности, и все эти признаки — результат особых усилий, особенно процесса нациостроительства» [5, с. 6].

Этнос, по мнению сторонников данного подхода – искусственное образование, результат деятельности самих людей. Однако за счёт длительности существования этноса сформировались некоторые объективизированные маркеры – признаки, отличающие один этнос от другого.

Различия в подходах к истолкованию этноса очевидны. Однако есть ли что общее между ними?

Ни один из этих подходов не подвергает сомнению наличие особых стереотипических черт осознания представителями одного этноса чувства сопричастности, выделения себя из других этнических групп – будь это сконструировано искусственно волей отдельных лиц (инструментализм), или образовано в результате длительности существования в форме особых «маркеров» (конструктивизм), или основано на особом аффективном чувстве сопереживания родства «по крови» (примордиализм). Возможно ли это отрицать? Возможен ли этнос без такого выделения «мы» из «они»? История на эти вопросы отвечает определённо – нет. Подавление этого явления разложило бы этнос, на ментальном уровне размыло бы его границы, создало бы предпосылки для «растворения» этноса в других этнических или иных социальных группах.

Такое чувство «мы» есть база для формирования собственных ценностей, культурных элементов, традиций – то есть базиса поведенческого компонента этноса. Заметим, что ни один подход не отрицает значимость

общих поведенческих признаков для обособления представителей одной этнической группы.

Выделение «мы» из «они» требует привязки к объективным или искусственно объективированным факторам – «мы» же чем-то должны отличаться от «других». В древности таковыми были общая территория, общие антропологические черты представителей одного этноса – то есть самые наглядные, простые для понимания сознания человека древности факторы. Однако они постепенно размывались, некоторые представители этноса утрачивали территориальную связь с собственной этнической группой, происходила ассимиляция. И с развитием этноса актуализировался поиск иных «привязок» чувства «мы». Таковыми у большинства этнических групп становились общность исторической судьбы, политическое образование – государство, сформировавшаяся система собственных традиций, обрядов. При отсутствии или слабом развитии указанных факторов этнос искал иные «привязки» - ими могли быть основанное на реальных или вымышленных фактах чувство «исторической обиды» на другие этнические группы, героизация и мифологизация отдельных предков, приписывание им явно вымышленных черт.

Указанное противопоставление собственной этнической группы представителям других этносов в науке получило название этноцентризм. Термин введён У. Самнером: «Это такое видение вещей, при котором своя группа оказывается в центре» [6, с. 5]. Этноцентризм ярко проявляется в исторических исследованиях, а также учебниках истории для школ и вузов.

Таким образом, этноцентризм – **естественное, неотделимое** от этноса явление, важнейший его атрибут, влияющий на сплочение этнической группы. У. Самнер подчёркивал универсальность этого явления, т. е. свойственность всем этносам без исключения. В то же время в своих крайних проявлениях он ведёт к становлению идеологии этноэтатизма и этнократических режимов.

Литература:

1. Широкогоров С.М. Этнось: Исследование основныхъ принциповъ изменения этническихъ и этнографическихъ явленій. – Шанхай, 1923. 69 с.
2. Этничность // Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Республика, 2001. 719 с.
3. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера земли. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1989. 496 с.
4. Бромлей Ю.В. Национальные процессы в СССР: поиск новых подходов. – М.: Наука, 1988. 208 с.
5. Тишков В.А. Концептуальная эволюция национальной политики в России // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. 1996. № 100. С.6-32
6. Самнер У. Народные обычаи // Рубеж. 1998. № 12. С.3-12